

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический и Норильский индустриальный институты, Литературный институт им. А.М. Горького. Автор шестнадцати книг стихотворений. Главный редактор журнала «Всерусский сборъ». Лауреат Международной премии «Поэзия», премий имени Н. Гумилева, А. Прокофьева, обладатель «Золотого пера Московии». Член Союза писателей России. Живет в г. Всеволожске Ленинградской области.

Владимир Шемшученко

ПОД ВЗГЛЯДОМ СУДЬБЫ

ТИШИНА

Пером и кистью по зиме
Поземка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Пузатый чайник на плите
Сопит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

«Звездам нет счета, бездне — дна» —
От белой зависти немею...
И все же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

* * *

Вот и отшумело Рождество,
Утомив торговцев и таксистов.
Боже, малOVERья моего
Хватит на десяток атеистов!

На асфальт ложится колкий снег,
Побуждая дворников к работе...

Радуйся, Великий человек,
Заложивший город на болоте!

Посмотри, как он плывет в пургу
И о славе брэнной не хлопочет...
Лишь кровит рябина — вся в снегу! —
Как десерт в меню январской ночи.

* * *

Январь. Крещенье. Вечер бел.
Мороза — много. Снега — мало.
А дятел все же прилетел —
Колдует над кусочком сала.

То левый бок... То правый бок...
Тук-тук... Прыг-прыг... Кормушка... Ива...
Блестящий кругленький глазок...
Обыденно... Но так красиво!

Наброском, сделанным вчерне,
Маячу я в оконной раме —
И он бросает вызов мне
Трехстопным ямбом в телеграмме.

На нем атласный колпачок
И боевое оперенье...
Ну ладно, ладно, дурачок, —
Ты лучшее стихотворенье!

* * *

Замерзают березы и жалобно в окна стучатся.
На звенящем асфальте растут ледяные грибы.
Ну, а мне какво — между жизнью и смертью качаться —
На изломанной линии жизни под взглядом судьбы.

Хорошо у окошка тетешкать свои рефлексии,
И березы, и слезы морозу назло рифмовать...
У калитки дрожит на трех лапах несчастная псина
И тихонько скулит... Не охота, но надо вставить.

Надеваю пальто. Выхожу, колбасою воняю...
Холодина собачья... «Ну, ну! Ты мне пальцы оставь!»
А собачьи глаза — вон какие стихи сочиняют!
Хоть ладонью черпай и на первую полосу ставь.

Ничего. Проживем. Не такое уже проживали.
«Ну, давай же, хромай и за воздух покрепче держись...»
А морозы и слезы — они на листе танцевали,
Чтоб собаке — не смерть, а собачья, но все-таки, жизнь.

АРТЕМОВСК

Разрыв оторвал от земли
Вцепившихся в бруствер руками...
У кошки — боли... У собаки — боли...
А тут еще я — со стихами!

Они сюда ночью пришли
И все, как один, добровольно.
У кошки — боли... У собаки — боли...
Господь, заberi их не больно!

МАРИНЕ

Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову: свет осеннего дня
Или лучше — предзимье на заячьих лапах.
А еще... Из камина возьму уголек
И на белом листе (только бы не проснуться!)
В простоте напишу всего несколько строк,
До которых потом не смогу дотянуться.
Полутон, полусвет — между явью и сном...
Только ты помолчи, а иначе разбудишь...
Это снег! Это первый, большой за окном!
Я его полюблю так, как ты его любишь!

* * *

У берега вода чиста и холодна.
Прозрачные леса отчаянно красивы.
Плесни-ка мне, дружок, карельского вина,
Затеплим костерок — ну, хоть у этой ивы.

Она среди камней стоит, едва дыша —
Объятия ветров настойчивы и грубы...
Мы наберем с тобой сухого камыша
И для нее сошьем из дыма лисью шубу.

Как дышится легко! Как звезды высоки!
И воздух не горчит, а первым пахнет снегом...
Я подниму с земли листочки-лепестки,
И глубоко вдохну, и выдохну: О-н-е-г-а...

СЕСТРАМ МИЛОСЕРДИЯ

Отступили дожди. Подоспели снега.
Город, словно подранок, притих на болоте.
Ах, как хочется нынче пуститься в бега
На машине, на поезде, на самолете!

Но куда я уеду, уйду, улечу,
Если рвут тишину голоса неотложек?!
Как в глаза посмотрю медсестре и врачу,
На мадонну блокадную чем-то похожих?!
И пускай гимнастеров не носят они,
И шинелей солдатских не знают их плечи —
Но проводят в больницах и ночи, и дни,
И от этого жить нам становится легче.
Подбираю слова и найти не могу,
Чтоб не звякнула в строчке фальшивая нота...
Я пред ними теперь в неоплатном долгу —
Состраданье в наш век — непростая работа.
Мандариновой корочкой пахнет декабрь.
Зябнет Невский проспект в новогодней одежде.
И роняет листки отрывной календарь,
Вспоминая о вере, любви и надежде!

* * *

Кавказской овчарке не снятся кавказские горы.
Ей снится пренаглый соседский ободранный кот,
Который приходит незвано, как беды и воры.
Глазами сверкает и гнусно при этом орет.
Собака встает, потянувшись, плетется к забору.
Отрывисто лает на юрких, чернявых детей,
Затем приглашает несносных ворон к разговору
На тему пропажи оставленных в миске костей.
Устало вздыхает, вполглаза глядит на дорогу,
На серый бурьян, что дорос до некрашенных рам.
Подходит хозяин, хромая на правую ногу,
И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам.

* * *

Поезд-иголка сшивает пространство,
Тянет вагонов веселую нить.
Рельсы стальные — само постоянство! —
Все они могут соединить:
Преодолеют и реки, и горы
В мирное время и на войне...
Поезд-трудяга сшивает просторы
И не дает развалиться стране.

РОДИНЕ

Осень. Звон ветра. Синь высоты.
Тайнопись звездопада.
Если на кладбищах ставят кресты,
Значит, так надо.

Значит, и нам предстоит путь-дорога
За теплохладные наши дела.
Скольких, скажи, не дошедших до Бога
Тьма забрала?

Скольких, ответь, еще водишь по краю,
По-матерински ревниво любя?
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя.

Из-за тебя на могилах трава —
В рост! — где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

* * *

У зимы петербургской прескверный характер весьма —
У нее задарма на понюшку не выпросишь снега.
Безъязыкие — жмутся на Невском друг к другу дома,
А под ними подземка гремит допоздна, как телега.

Разгулявшийся ветер начистил Атлантам бока
И, как ловкий цирюльник, намылил гранит парапета.
В плиссированной юбке на берег выходит река
И с достоинством царским идет в Эрмитаж без билета.

И опять все не то... Как мальчишку меня провела —
Вместо ярких полотен всучила пустые картинки...
А над площадью ангел уже расправляет крыла,
И Балтийское море мои примеряет ботинки.

* * *

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель, а в тайге еще снега по грудь.
Скоро лед в океан унесет непокорная Лена,
И жарки расцветут, и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
А у нас еще ветер хрустальные льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный рокот мотора.
Не иначе, сосед мой — рискованный, бывалый мужик —
До того одурел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду через реку махнул напрямик.

И опять тишина. На сей раз проскочил-таки, леший.
От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.

В эту пору на лед не ступают ни конный, ни пеший.
А ему хоть бы хны. Он всегда делал то, что хотел.

И за то пострадал, и срока отбывал на Таймыре,
И на выселках жил от верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как гирей,
И выхаркивал легкие сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня, усмехаясь, в минуты застолья
И на пятом стакане меня зачислял в слабаки,
А глаза изнутри наполнялись любовью и болью —
Так на небо глядят пережившие жизнь старики.